

ПУБЛИЦИСТИКА

— Сборник политических статей

Ольга Бешенковская

ВОЛКИ И КРОЛИКИ

(публикуется в отрывках)

...Грустная ирония 70-х как бы извинялась за студенческий пафос 60-х, воскресивший мальчишескую наивность 20-х на новой ступени клубной сцены. Раковина стадиона, транслирующая поэтический шум... Затем — кофейная чашечка, поднесенная микрофоном к усталым устам... Каждый период игры в поэзию выхватил прожекторами из тьмы своих форвардов и солистов. Они многое дали, но еще больше взяли от жизни. Не о них-Речь.

Даже не о святом—в своем ленинградском подвиге — Иосифе, безымянном каторжнике письменного стола, этой одновечерней сельной и чуть было не затонувшей стихии галерн. Выхваченная из тьмы наугад (и как точно, будто зверинным чутьем — на голубую, небесную...) жертва обманчивой оттепели (серость заходит...), он дождался своего часа по ту сторону географического циферблата.

Извто, позволявшее петушиться, и в последующее, пропускавшее мимо ушей отдельные трассирующие трели, во все времена (и копошения, и затишья в железных рамках под вывеской "наше время"), в России были поэты.

Секрет этого истинно русского чуда прост: поэты растут на погостах... Прихотливые только к простору и боли, питаясь корнями из неистощенных напластианий культуры.

Они есть и сейчас, по-прежнему самозабвенно играющие в би-сер фанатики, уставшие метать его перед кроликами.

И, может быть, лицо культуры 80-х — горькая и надменная одухотворенность, божественно ясный взгляд из сатанинской котельной, с самого социального дна. (Ниже — только земля...).

Еще более молодой поэт, сторож с математическим образованием, темпераментно жестикулирует о том, что Бродский задержал развитие нашей поэзии. Что социальность — предмет, не достойный искусства. Что инерция стихового потока — вчерашний день, а сегодня фонетическая задача — столкнуть согласные (как XIX век и Блок — гласные). И вообще — свободно дышать, не сковывая себя никакой формой (?...).

Мне хочется возразить, что, во-первых, ни один распятый не виноват в культе своем, тем более в культе своей культуры, гипнотизирующей более слабую и склонную к сомнамбулизму творческую энергию. Что развитие поэзии определяет не некое среднее филологическое, а личности, каждая из которых свободно дышит согласно своему вестибулярно-лирическому устройству. Что автор "Империи — страны для дураков" меньше всего политик, а салтыково-щедринские параллели тянутся как санный след в самом укладе нашей жизни. И открывая для себя атласы мирового искусства, не мальчишество ли забывать обо всем, в том числе — о традициях именно русской лирики, одна из которых — пафос гражданского благородства? Что даже хрестоматийный, декоративный как провинциальная ангельская лазурь пост-пастернаковский ямб — форма не только детского метафорического чистописания, но родника нравственной чистоты. Что, наконец, имя Бродского, страницы которого этот — внесоциальный — юноша спешит перевернуть как окаменелые классические, — запретно. Бродский, по-существу еще не родился в России.

Можно ли заниматься литературой как предметом, закрывая глаза на историю с географией?

И не подсознательная ли это мимикрия — вовсе не замечать кроличьей жизни, закономерностей ее критериев и канонов? Их как бы не существует, хотя существуют именно они...

Но я молчу и только покачиваю головой как сувенирный китайский болванчик. А вдруг и моя правда, как некоторые не прозвучавшие вовремя стихи Бродского, — уже вчерашняя?

Иногда хочется даже на собственные вопросы ответить как воздержавшийся из анекдота; у меня есть свое мнение, но я с ним не согласен...

... Идя пешком, не надейся, что водителю плохо. Довольствуйся тем, что на тебя не дышат луком и не толкают локтями. В стороне от реальности легче представить себе, что она-

= иллюзия...

Но углубляясь в животрепещущие сады Востока /одно из направлений поисков или в поисках современной поэзии/, надстраивая европейский конструктивизм /своим или латиноамериканским/, приготовляя с неистощимым упорством алхимики фонетический взрыв, помни, что Пушкина уже сбрасывали с "корабля современности"...

И что по существу ты эмигрируешь из действительности, самонадеянно подписав себе визу в будущее, которое может обернуться - после кругосветного путешествия во времени - обманутым прошлым, реставратор присвоил авторство...

Трудно не вооруженным теорией взглядом уловить ускользающие чешуйки - частицы времени, которые молодая культура 80-х /в отличии от предшествующей/ старается не пропить, а прочесть. И это тоже - штрихи ей и его.

Но безвоздушность пространства, в коем живем - с одной стороны, и спиритическое блуждание в лиловом символистическом космосе - с другой, - не вакуум ли это? Не ущербность ли духовности в демонстративном отрыве от плоти и - как следствие - мертворожденность произведений?

Вот о чем нужно говорить, испытывая гнетущую неудовлетворенность от собственно продукции так называемой и так существующей "неофициальной культуры". Но - с кем?

Современная поэзия представляется мне в виде кругов.

Это скорее умозрительная проекция, чем оценочная градация. Не могу - очертя душу и голову - ни в один, ощущив спасительным для себя и спасительным для Поэзии.

Каждый - нео-нечто /не считая газетносерого кроличьего ничто/, и все вместе - акварельные пуговки на картонке: набор для подрастающего художника... /Когда-нибудь где-нибудь кто-нибудь... Сколько уж раз радужно казалось - и бесцветно оказывалось.../

Многообещающи все оттенки зелени: хвойно-крашивая, пра-

единичная задиристость юности, кустовая неврастеническая кашка
кадность корнями в импрессион... Но если в каждом произведении
природы трепещет и естество - и совершенство, то на террасных листочках - не осененная закономерностями наивность.
Или - болезненная сплюснутость души, не утружающей себя на-
несением тонкого рельефа.

Начинающие всех кругов - поэты. Пожизненно начинающие:
не каждое стихотворение - как жизнь, а жизнь - как несклады-
вающееся стихотворение и на этом основании освобождающие се-
бя от профессиональной ответственности за каждое слово - Ди-
летанты. С большой буквы, потому что часто - задушенные в
младенцах потенциальные мастера /безвыходность круга.../.

Так срываются в анамнез, в наркотический галлюцинализ Еле-
ны Шварц сказочные феерии Лены - рукопечатный сборник, при-
ложение к альманаху неофициальной культуры "Часы", по сущест-
ву - вся жизнь, а еще более по существу - вся смерть поэта.../

Часы неумолимо идут /Вперед? По кругу.../, трупным ядом
дышат строки вчерашних вундеркинцев, авангардистов спирити-
ческого - в бездуховности - тутика. /И как знать, хватило
бы нравственного здоровья Надежде Рушевой, если бы не физи-
ческое самосожжение его в Наде.../.

Осень пленяет шуршанием красок над безнадежностью. Так
отсутствие иллюзий не гасит горестно поэтическую иллюмина-
цию Мандельштама и Бродского. Их работа - праздник образов
над образом жизни, "мельканье брачующихся" слов на чумном
пиру, ощупью ищащих друг друга и находящих забвение в кру-
жащемся бормотании. Не лирическая диадема раннего Бродско-
го, близкая, кстати, к сценическим эффектам народно-модных
60-тилетников, /только мир больше: не страна - сразу мир,
и не этнографической пестротой верхней одежды - историей/,
а именно профессиональное упование отпеванием - смысл его по-
эзии. И, может быть, так поэзии вообще.../.

Ибо разве что Пушкин более воспевал, чем отпевал, и
то в силу африканского темперамента и молодого восторга, да-
леких от конъюнктурно-ограниченного оптимизма не только по
времени.../.

Ассоциативная же лирика всегда тянется к /в.../ осенней
тональности, как слепой - к темноте... Это ее видовое свое-

образие, которое литературное кроликоведение всегда пыжится утилитарно объяснить как социальное - в переводном или досоветском случае и в лучшем для соотечественника случае посмертно "извинить" как Мандельштама. /Одному Богу известно, сколько еще не прощенных за Божий дар.../.

Безграмотность, не имеющая границ, проводит хронологические и государственные по самой природе жанров. И вполне вероятно, что наши дети откроют "Мгновения плодов" /и бесплодных, пока не остоцертели, трудов быть при жизни = живым/ Виктора Кривулина с подобно отеческой /отечественной/ аннотацией.../.

Но об этой ветви на том же сюрреалистическом древе в саду Поэзии, самом извилистом /извилином?/ и надломленном = ниже. Не потому, что она = ниже других. Наоборот, освобождение от календарных примет ослабляет земное притяжение и, соответственно, поднимает... Но обостренный как поздняя осень, обнаженный до чакоточной рентгеноскопии конструктивизм в прекрасно стеклянющемся дне не может и не должен заслонить всю животрепещущую природу.

Сколько кругов = столько ее сконцентрированных фрагментов. Их можно избирать или избегать, обосноваться или мечтаться; единственно опасное заблуждение: считать, что их нет.../

Аляповатая ярмарочность фольклора наизнанку = серость.

Но сколько зимнего румянца в бубенчатых ритмах и полнокровной метафоричности в эмоциональном кругозоре с крылечка.

Не случайно лихие повороты на Русь увлекают не только серых = природно темпераментных авторов, разраженных типовым однообразием городов и стихов, хронической стрессовостью и моросящей лексикологией, грубо говоря = усредненно-интеллектуальным нытьем. /На исходе семидесятых оно уже почти узаконено, скреплено печатью в жалобные пийтические книги без предложений, похожие друг на друга как две капли дистилированной влаги. К нему привыкли как ленинградцы = к демисезону и оно, в сущности, потеряло свое смутное время.../. Конечно, настороженное ухо всегда будет задевать снискодительно-ласкательное приятие жизни /хотя бы отсутствием крольчего мажора: хвост = не морковкой/ и шелест чужой мате-

рии, но сама по себе призрачно-поэтическая ткань — еще не поэзия. /Как уже не поэты большинство последователей Мандельштама транзитом через Кушнера/.

Кто лучше: серо-буро-малиновый наглец с конкретно-плоскостным сочным воображением или тихий техник души человеческой? В человеческом общении — более деликатный "техник" ... В поэзии — поэт ...

Хотя нельзя забывать, что тематически-деревенское или исторически-славянское начало конъюнктурны независимо от импульсов автора. Что живой Рубцов угоднее кроликам, чем живой Аронзон.

Как Соснора-поэт /а поэт ли в полном = внутреннем смысле? рационален, музыкальный пульс не прощупывается/ удачливой Сосноры-прозаика /а ведь прозаик по всем статьям-повестям = европейского уровня беллетрист/. Но — сначала было Слово... о полку Игореве, а за ним = право на другие печатные слова "в столбик" ...

Точно также внутренний мир Юрия Кузнецова нашел точку соприкосновения с внешним = и примирение состоялось. Неважно шумная помолвка /дискуссионная = вокруг = перепалка/ с официальной поэзией оказалась возможной благодаря былинному приданому московского жениха. Более московского, чем просто = по месту жительства = москвича с более чем провинциальной чахнущей барышней ...

На все лады обсуждается ухарство = внешний, стилистический норов. Проскакивают = эгоцентризм, жестокость, талантливые преступления против кроличьего устава. Но = не Поэзия.

/Хотя соотношение собственно-болевых моментов с болью как таковой, мотивы сострадания,озвучия с миром = сами по себе духовно выше житейски-закономерных и драматично романтизированных разногласий с действительностью/.

Несколько слов о "второй", подразумевающей себя = единственной, "литературной действительности" 70-х ...

Еще не лозунгово, но интуитивно как бы внекоцальная /как бы не так! = контр-коцальная, анти-кроличье, лишь по-

тому и можно, и должно говорить как о явлении/, скорее житейское, чем поэтическое направление определилось не сразу.

Мыльные пузыри иллюзий мерцали в подсознании и метафорах даже изначально, без дополнительно-питательной среды, горького Кривулина. /Только сейчас он опустошенно пришел: "Я долго ждал, но не произошло ни чуда, ни последней катастрофы..."/.

Свободная, приблаженно-пушкинианствующая /классика на гитаре = музыка се-ля-ви/, подлинным наслаждением дышащая стихия Виктора Ширалиса.

Олег Охапкин, подымавший святыне, недоумевающие = "да что же сие?...", и ох, как опускавшийся до перебранок с теми, кого презирал = "Я = гений, а вы = ничто", требуя у "ничто" печати как регистрации отношений = /с Пoesией/ = не уверенный в завтрашнем дне любовник... .

/А не в серость = всерьез, в самом деле, = не изысканная ли, как некогда дворянских кругов, граffомания = охапки его юношеских, нынешних не знаю, стихов, поток не собственно поэтической, а компьютерно лирической информации, бунинская стопа на западной почве... Образованностью веет, филологической одаренностью, и = заколдованный водой без цвета и запаха... .

Что общего у них троих = наугад, у всех?

Поэтически ни = че = го.

/И не случайно лицейский = центрального либо союз = распадется уже в 70-х/.

Кто знает, какие элементы должны входить в состав стихотворения, чтобы в осадке = поэзия. Как снег... Как дождь... И растворялась в душе... /Только = кролик, производитель и адресат литературного ширпотреба на основе унификации узлов и деталей/...

Но всегда чувствуется, когда автор "химичит": когда не творческая лаборатория, а лабораторное творчество... /Пример того и другого = Вознесенский, обнародующий с горящим взглядом Джордано даже "каlamбурьки", достойные курилки любого НИИ/.

Критерий нет, но они есть, Самое нелепое и закономерное, что не у всех, а для всех = разные...

На несколько лет вперед = несколько лет назад оскорбился приятель, названный "не поэтом, а стихотворцем". Ибо привык соизмеряться с кроликами и прочими стихотворцами, к числу которых относил себя и обидчик.

... Не две, а как минимум три-четыре действительности одной и той же современной русской литературы, действительно, требующих разного подхода как больные с разным диагнозом.

В новоиспеченных поэтических сборниках принято искать "свежие строки". /Радость-то какая; не совсем, значит, сюртина, хотя кроличьи уши торчат, без этого не бывает.../.

В самодельных = поэзии... Искать = и чаще всего не находить.

Потому что вторая литературная, не только словца ради, = сомнительность, со столь же редкими исключениями как из первой, выработала свои, символически усложненные, контраптампы и анти-трафареты, усвоив /освоив и присвоив/ которые каждый декоратор манипулирует при свечах смерть непонятого художника... Получается: бескровная жизнь, то есть = серость

Хотя нельзя сбрасывать со счетов, что серость беспросветного увядания /со всей ее анти-моделью и контр-конъюнктурой/ процветающая под солнечным колобком серость пользуется ^{как} запрещенным ударом...

Обсуждение на секции поэзии ленинградского отделения ССП напоминает защиту бесспорной и оттого бесспорно скучной диссертации, когда на опьяненного собственным упоением соискателя никто не нападает, а он ото всех защищается...

Да поймите же, наконец, это его мир, его пик, его...

Ему казалось: выйдет, войдет, = одна стена скандирует = "Да здравствует Ширали!", другая скандирует = "Долой Ширали!" и со всех сторон = Ширали, Ширали, Ширали...

Театральные жесты, менторская снисходительность в униженном голосе, тщетные попытки привлечь к себе хоть какое-нибудь внимание, отделиться от серых...

"Я хотел бы сказать, Я повторяю, Я хотел бы сказать...

— да смешно же, смешно, — кроликам, грустно от этого заглавного устного Я, стертого в тексте, — Я хотел бы сказать, что о моей книге по городу ходят слухи, лишенные...”

В том-то и жалость, что по городу ходят машины и пешеходы, — и никаких слухов о худосочиной, во всех отношениях, книжечке.

А он — из тех, кто кричал фальцетом про “голого короля”...

Еще один голый король?

Кролики-сыты? вот видите, ничего особенного...

Задние — рады: вот видите, ничего особенного...

Просто вышел — и вышел. Как все. Как из одной комнаты — в другую. В маленькой — казался большим, в большой — оказался маленьким.

За родину воевали?

А Мандельштам — за что? За икру с коньяком?

За свою Родину — Поэзию. И, между прочим, как принято вздыхать в предисловиях после многолетней минуты молчания, — не дожил...

И вообще, какое отношение житейский опыт имеет к результатам работы? Астрономы не открывают новых звезд оттого, что знакомы с устройством пулемета, а поэты, судя по блуждающей во вселенских масштабах критике, — на каждом кирзовом шагу.

Поэт, в отличии от стихотворца, живет не только /и даже не столько/ там и тогда, где и когда живет. Он почти физически ощущает уже археологические и еще фантастические катастрофы, ежесекундно замирает на грани собственной — личностной, личной. У него не меньше и животного страха и животной отваги, но система кровообращения Духа — контролирующая и то и другое. Чувство коллективизма — конкретно человеческое и абстрактно философское, без идеологических и территориальных рефлексов.

Историческая реальность, выпавшая на житейскую /живот-

ную/ долю обострила извечную романтизацию мужества, заземлила космический пафос неприятия варварства, отозвалась болью за близких. Не было — первопотрясения увидевшего смерть ребенка... Скорее — чувство долга летописца, воплощенное в дежурные записи.

Война подняла их на новую историческую и нравственную ступень: они ощутили на собственном лице дыхание смерти — и крупнее, ярче увидели жизнь... В человеке, впервые побывавшем ~~шашкой~~ на бойне, просыпается как раненый зверь талант человечности.

Искусство отвыкло от естественных человеческих голосов, которые сами по себе тоже еще не искусство, но все-таки ближе к нему, чем гомон, как формулы, общепринятые суждения под видом истин и мыслей. /Как любой пожелавший треугольничек поэтичней в размер и рифму кирзовых ямбов на поле современной литературной браны.../

Развивающаяся поэтика переросла "кубики" строфического стихосложения — ~~шишки~~ таково в общем /в частностях — воплощенное/ мнение разных кругов, способных варьировать словом.

Сбивчивая Часть Речи потускненного Бродского...

/Прежде дышал просторней, велеречивей, элементарней/

Рваные струны самой арфы — лиры органически неофициальной и еще не официальной молодой культуры...

/Часто — электровзгляд, отзвук, хотя — не гитара.../

Рваные строфы всегда учительствовавшего в четкости, в прямой речи Кушнера...

/Название цикла — указка на обновленную технологию!/

Невроз времени или перестройка механики? Ухо или душа? Западный циклон/ ступенька ДТР /духовно-технической реставрации/ или естественный комплекс поэта, снимающего угол в официальном искусстве — ритмический показ душевного неудоя и резервов своего мастерства /и мы не так уж благополучны, и мы умеем.../?

Не или « и »

Три жизни, три поэтики, триптих одной эпохи.

... И когда почти все / кроме биологически необучаемых кроликов и гармонию исповедующих поэтов = а) = Ахмадулина/ станут захлебываться на бегу как рыба на берегу, последние из освоивших это дыхательное упражнение громогласно пошлют ямб ко всем хореям... Совершенно официально.

Тот самый ямб, на который еще при живой свече досадовал не засыпанный окружающим снегом, не заспанный курчавый характер = "Четырехстопный ямб мне надоел" ...

А а) = Анненский сто лет назад разве не перерос все последующие "кубики"? Не вдохнул больную и прекрасную плоть в геометрию, незаметно / для себя и других, по сей день/ перешагнув следующих по его черно-золотым царскосельским стопам более прямолинейных = и, соответственно, первыми приходящих к читателю акмеистов?

/Вот, может быть, поэт без пяти минут будущего = в том массово-модном значении, как сегодня = Ахматова. Ибо кроме кругов созидания = в пространстве, существуют ступени постижения = во времени. К поэту узкого круга широкий читатель поднимается снизу вверх, по живым и мертвым, и круг раздвигается.../ .

... Если бы эту подборку мне показали еще несколько лет назад, я бы позвонила автору среди ночи, чтобы сказать спасибо... .

23-летний принес 32-летнему стихи 18-летнего, отечески похлопывая своего поэтического про-те-же по воображаемому плечу: /уравнение = с тремя никому неизвестными.../ .

= Хочешь, порадую? = не ввалился как сверстники, снял обувь в прихожей. Правда, Бродского калькирует... = не сказал как 50-летние: подражает = калькирует..., так что, в общем, ничего нового... Я его похвалил, но чтобы стать настоящим поэтом..."

Достаточно.

Он слишком прав...

И в том, что чужими стихами еще можно порадовать /пока мож-
но - стихи живы; за то и ценю, что догадался/ и в поэтиче-
ской родословной автора, которую, кстати, должен иметь каждый
стихотворец /только у кроликов, появляющихся из капусты -
"свое" лицо.../ и которая не имеет ничего общего с реминис-
ценциями.../

Но почему "но" - так сказать, "имеющиеся недостатки" -
замечается, отмечается построчно, буквально еще не дочитав,
не дослушав, уже автоматически - как будто именно их, огре-
хов, а не праздника, не святого греха поэзии ждем? /Чудо-то
какое: всемирная индустриализация, благополучилизация, маши-
номания, наконец, курицы вверх тормашками в авоськах - и
вдруг... слово! Любое.../

Развивающаяся поэтика "переросла" удивление - вечный
возраст поэзии.../

Нарочно /усмешкой вовнутрь/ показываю эти совершенно
раскованные /пусть несовершенные/, блуждающие по комнате и
по космосу строки, напарель подсознания, - разных "действи-
тельностей" и поколений гостям - что скажут?

/В каждой строке - больше поэтической информации, чем
в целых сборниках и подборках.../

Общий знаменатель устных рецензий "да, но...", и дело
даже не в самом "но", а в том, что стихи воспринимаются как
"персональное дело" - на суд - еще хорошо - если товарищей...

Со всеми "но" соглашаемся /раствор перенасыщен, бескон-
трольностью - обесцвечен/, но напоминаю, что автору - 18.

Этого 30-40-летние стихотворцы уже не слышат: с увле-
чением рассказывают о каком-нибудь объявившемся вдруг сти-
хоторении /и ничего-то в нем нет/ Мандельштама, и с тем же
пафосом - о своих литературных делишках.../

Надо было сказать, что это ранее неизвестный Бродский.

Не надо было вообще издавать Мандельштама, если зная
его стихи и судьбу стихотворцы не останавливаются задумать-
ся - на порогах издательств.../Бедные вы мои, как вам всем
плохо.../

Но автору не звоню... Зачем?

/Много чести... Пусть с наше помучается... Идиотизм

не в моде... /

Но чем больше вчитываюсь, тем больше "но" вижу...
/Как и всегда.../

... При встрече с облегчением разочаровываюсь. Не унылый, как почему-то хотелось, нос /какое мне дело до его но-са.../, никакой обреченности /калькирует образ.../. И вообще лицо из джинсовой толпы, киношно-студенческий ширпотреб.

Западная зажигалка фирмой - в глаза... Обстоятельнейшая беседа /с усмешкой вовнутрь поддерживая/ о нюансах коктейлей в знакомых барах...

Новое поколение... Откровенный курс на внешнюю эстетику жизни. Перескок через несколько ступеней: букварь - Мандельштам, родная речь - "Честь речи"... Внутреннее не поймешь что, какое-то конструктивное, раздражающее рационализмом эпикурейство. Мысленно фотографирую - сквозь годы - во все однаково элегантных машины, жены, собаки, /Интересно: дог или доберман? Все-таки доберман.../.

Ну и что? Стихи-то при чем? Хотя - хорошо, что не позвонила...

Пусть с наше помучается...

А не так ли отодвигались от нас, обитающих города /нас - отодвигали/ более душевые, но менее духовные, гитаристы поэзии - романтики дорог и палаток?

А их /по той же причине/ аккордеонисты землянок?

В неофициальном, без покушений на капусту, общении...

Скорее всего, сам повод мельче разговора о нем, но почему этот мальчик, еще по-существу не появившийся на свет /о выходе в свет не может быть и речи.../, должен отвечать за несколько поколений ленинградской поэзии?

/"Виновен ли этот мальчик в проклятых палочках Коха, что ставило неиздоровье в колеса моей судьбы" ... Я в его возрасте открывала Кедрина, а меня на каждом шагу обвиняли в подражании Цветаевой, которую не читала.../.

И почему в таком случае поэты и стихотворцы не считают себя ответственными за предыдущих? И за свое время, перекладывая на него ответственность за себя?

Суть всех "да, но..." = помучайтесь с наше...

И если бы сегодня никому неизвестный Пушкин /не говоря

обо всех последующих, особенно - расхристанно-субъективных и туманно-ассоциативных, уязвимых в чистописании/ пришел к никому неизвестному /не говоря об известных.../ коллеге, ему бы сказали "да, но... не Державин..."

*** Но основание ли это для преждевременного торжества всех "непризнанных гениев"? Возможно, в крольчатнике и нужно быть слишком самонадеянным, чтобы не оказаться самоуничтоженным... Возможно, лучше уж стихотворца назвать поэтом, чем стихотворцем - поэта. Все равно концов не найти, благоразумно избегая начала - коллективизации искусства...

И какими бы свободными, сугубо профессиональными, не казались теоретические дискуссии, все они произрастают на искусственной почве, и упираются в серый горизонт. /Как, скажем, прекрасная и постыдная статья ревнителя и последователя Мандельштама о тонкостях аранжировки поэтической книги в "Вопросах литературы" - отвернувшись от основных вопросов литературы.../

*** Ну кто, кто даже из тех, кто остался в поэзии /остался поэзией для нас/ развил поэтику?

Цветаева - вулкан эмансипированных эмоций?

/хотя еще не раз взорвутся фригидно-рассудочные периоды демонстративной дурости, и, может быть, как раз более иррациональных в поэзии - мужчин.../

Маяковский - ревущий ребенком обиженным паровоз?

/хотя по его ступеням, с воспаленным букетом Пастернака, - Вознесенский, а за ним, уже по нему, - следующие.../

Мандельштам - предметный наговор, целительный полу-брёд с привкусом несчастья и дыма?

/Продолжателей и подражателей уже даже не различаю, кажется - все, вся "вторая" .../

Фет? Хлебников? Бродский?

Все. И - никто.

Потому что поэтика - не ткань, а живая кожа поэта.

Искусственные пересадки возможны на отдельных /опален-
ных/ участках, но на все тело души - недолговечны...

В искусстве нет общих достижений, особенно в поэзии,
которая всегда - монолог...

Хотя кровооборот существует.

Скажем, крольчья ли серость строгого парапета и буднично-
го дождя, как бы символизирующие ленинградскую школу поэ-
зии по ее самому высокому классу?

Грубо говоря, кролик ли - Шеффнер?

Не более, чем литографированная мандельштампами серость
оппозиционной хандры...

Более того: в общем - поэт... Поэт - в общем...

У Шеффнера свой взгляд на общий мир... /У поэтов мирово-
го звучания - мир свой.../.

У Шеффнера есть все, но всего - понемногу: философия,
но житейская, чувство, но меры... Скромное человеческое до-
стоинство... Определенность без догм. Плюс - улыбка.

Стихостроение - по утвердившейся схеме, типичное, блоч-
ное: завязка /мысль или картина, обстоятельства времени и
места/ - лирическая кульминация /картина и мысль/ - логи-
ческая развязка /или кульминация/. 10-20 строк с незначи-
тельный колебаниями нормальной температуры.

По форме это простейшая гармония, но ее содержание -
гармония в простейшем... Элементарность доведена до совер-
шенства, основа которого - единство вдоха и выдоха. И куль-
тура. /Не официальная - общая.../.

По объективным критериям именно Шеффнер должен был /и
бы.../ возглавлять ленинградскую поэзию. Тогда, возможно,
ее русло /не выходя за рамки, но все-таки картина, зеркаль-
ная городу.../ определяли бы те 10-15 официально - поэтов,
со стихов которых собственно поэзия и начинается.../ Как с
ватерлинией на граните: ниже - вода, выше - уже стихия!.../.

Именно Шеффнер /классицизм/, а не Кушнер /барокко/.

Уже "перебор, перехлест", и в любви к изящным вещицам, и в чувстве меры, и в сдавленной истерии, не свободный от вкусовых крайностей, как почти свободный поэт...»

Но как раз интеллигенты ленинградской поэзии, /что социально закономерно, но крольчатник на мраморе.../ скорее официально терпимы в ней: их терпят, потому что они терпят = они терпят, что терпят их... И ничего не определяют, даже истинного лица = истинное лицо не может быть обобщенно-каноническим. /А если еще профиширует нос картошкой.../.

Ленинградская строгопись /ни одного случайного слова в необязательном тексте/, стилистическое пуританство, многозначительная законченность стихотворения /вместо многозначной завершенности/ создают видимость поэзии и культуры, как московское верхоглядство с надрывом = видимость поэзии и свободы.

Вернее, создают = ими... И в этом их тормозная = для развития поэзии = функция. /Причем, именно они, интеллигенты, стараются не замечать происходящего в искусстве, не видеть самой поэзии, заслонившись от нее фолиантами, как в трамвае = от старух и младенцев над головой... А забулдыга, ежели разбудить = встанет.../.

Обвинение куда более серьезное, чем первоклассные насмешки "второй действительности" над "кубиками" отстающей в интеллектуальном развитии официальной /особенно, над "кубиками"/ старшей группы с коллективно-детсадовским воспитанием.../.

"Кубики" наскучили, но развивающаяся поэзия еще не развернется к ним на новых витках спирали, сентиментально и умудренно, как уже не раз возвращались. /Траектория искусства = вечное возрождение/.

Рано или поздно отстраненно-ассоциативное воздухоплавание в божественном и техническом космосе кольнет под сердце далекой, населенной людьми звездой... И поэзия поставит себе простой, как мычание новорожденного, молочный диагноз: ностальгия по человечности. В элементарности ее всегда почесму=то больше...»

"Пока вычислительный робот
Свершает свой верный расчет,

Поэзии пристальный опыт
По тысячам русел течет..."
/Вадим Шеффнер/

В том-то и суть, что не суть меняется = не ликующий ком-
промисс обреченной на смерть жизни / о чём всегда засторч-
но помнит поэт и забывает в перепитиях существования стихо-
творец, но ее интерьер... .

Архитектурный почерк Парижа /даже Прибалтики/ по сообща-
ющимся под кожей сосудам заостряет музыкальную фразу, слухо-
вая и зрительная запись = строку... Биографическое попадание
поэта в ту или иную страну и эпоху обуславливает язык, на
котором он говорит о любви, грехе, долге, природе, творчест-
ве = о смысле жизни и смерти, материализованном в тамошних
иностасиях добра и зла, духа и плоти, детства и увядания.
/Вот почему поэтов, действительно, меньше, и нужно = меньше,
чем прозаиков; более документалистов эпохи, чем души, испо-
ведующейся на разных папертях одной и той же религии... Прим-
ерное соотношение: апостолов и светских портретов/.

Современные средства технической и духовной коммуника-
ции /начиная с теле-кино-иллюстраций и музыкально-воспроиз-
водящей индустрии до переводной, не всегда, но часто лучшей-
в пику иной, позолоченной клетке = литературы и перевозной
живописи/ обеспечивают взаимопроникновение всех искусств и
ландшафтов мира. Кровообращение русского стиха обогащается
информацией механически = средства передачи, но уже механи-
чески = привычка. И потому естественно = и естественной,
как воздухом, поступающим из через форточку и невидимый со-
став которого постепенно меняет биохимию времени. /О каком
"своем стиле" вообще может идти речь, когда сама жизнь =
чудом скомпонованная эклектика.../.

Русский стих европеизируется в покое, небоскребствует
над теснотой и мелкостью быта /поэт = бытия, и не с жилищ-
ных, тоже густо населенных высот/, закусывает свою горькую
емкость восточными сладостями эпикурейства... .

Наделенный двухмерностью кругозора /вектор времени и
пространственный радиус/, композитор изображения или звука,

любой человек, неизбежно оказывается в круге - том или ином. С общей - центрально-диаметральной точкой мировоззрения и своим углом зрения.

Чем выше взгляд - тем шире кругозор мировосприятия, но уже круг равных среди близких: разреженная высота как сфера и сырье для работы доступна только творцам, и только как сфера - так называемым самолетам с моторами под крылом...

Творцы не могут создавать один мир, да еще и одновременно, в одном жанре, одними средствами. /Автор крупнейшего, не превзойденного, синтезирующего, а не синтетического произведения - ЖИЗНЬ - исторически один.../.

Посему по их образам и подобиям подбирают себя в себе, подтягиваясь на хореографически белых тапочках, временные /и чаще всего - долго не устоять - временные.../ единомышленники, осмысливающие тот же поток информации. Переработанный в интеллектуально-нравственное горючее, для поддержания духа, он позволяет оторваться от земли, но душа бесплодна, а почва потеряна...

/Не здесь ли, в безжизненной невесомости, и зарыто трагическое ощущение какой-то декоративно перенасыщенной пустоты от большинства собственно-произведений неофициальной культуры? Пониже бы, поближе к своей естественной атмосфере, где кисть не выпадает из леденеющих рук - на холст.../.

Но плоскостное окружение поэта или художника представляет собой своеобразную житейскую галактику, в которой действуют определенные эстетические законы.

Кто масштабно судит и пишет? Каждый - правомерно мельчит, ориентируясь на круги своя...

Можно ли вообще доверять суждениям поэтов о поэзии?

Когда ленинбургский классик 70-х, еще не порываясь из тонко очерчивающих круг поэтики пут Фета и других братских сквозь время - уз, разворачивает ажурные теоретические кружева: "Русская поэзия возникла значительно позже европейской, она еще не устала от рифмы" /цитата из беседы/, мне представляется, что нити уводят не только в историческую объективность, но /прежде всего/ - от собственной души, обеспо-

коенной тем, что племя, вернее – время младое, незнакомое дышит иначе...»

Позиция или инстинктивная самозащита?

Думаю, что всегда и то, и другое.

Ибо поэт начинает писать раньше, чем формулировать свои взгляды на поэзию, но читать – раньше, чем писать, и поэтому взгляды /еще не сфокусированные и не проявленные в систему, но уже заданные плоскостным окружением/ формируют его голос.

/И не случайно именно Кушнер, искавший праздника в прошлом, сначала дробит фамильный фарфор предметности на будничный дождь, а сейчас, кажется, пытается вырваться, минуя середину века, на его финишную кривую... Причем, изменения себя, а не себе: симптом серьезно работающего поэта. Но безошибочно работающего как раз на значительно, слишком здраво заниженной высоте, в эстетической /боже упаси поэта упрекать в социальной, житейской/ – "безопасности", но "на самом краю"../ в круге, ограниченном подсознательной перспективой реализации, не творят безоглядно... Так что и несвобода, как от нее не прячется – лебедем – под крыло – тоже при чём: как причина или следствие эстетической.../.

*** Эпидемия верлибра не захватила – во всех отношениях – поклонников классики и классических кроликов. /Старорядцы лирики и стихотворенцы периодики – категории разные, но уровень критики – един. В крольчатнике все приводится к общему знаменателю, рассчитанному на кролика средней литературной величины.../.

А верлибры тем временем подозрительно быстро плодятся, и кто его знает, откуда родом их гены...»

Филологическая эквилибрстика с вывихом на переводной почве? /Но вывих-то у современного юношества врожденный, естественно переходящий в гордую хромоту над гладко серым асфальтом.../.

Стирание граней в искусстве как торжество жанровой демократии? /Но когда они были именно в искусстве? Вот в реальном – всегда... Любой академизм – средняя школа, необходимая творцам для преодоления и отличникам – для изготовления.../.

Анатомия вывиха уже скорее академизм века.../.

Дисгармоничность современного мира?

/Но если бы мы не идеализировали прошлое, то вряд ли нашли бы в нем хоть одну страницу, зеркальную гармонии современного ей искусства. И дисгармонии — тоже.../. Уродства в мире творца и в мире, окружающем творца, созвучны не более, чем божественный хаос и житейский хаос/.

Теоретически верлибр — такой же прямой подстрочник души как ямб.

/И не более демократичен к тупорной законченности Кикей, из которых не торчат гвозди.../.

Практически — не менее опасен, чем провинциальная глухота к совершенству абсурда.

/Кроличья переводика породила не меньше детского косноязычия, чем кроличья периодика — детских "кубиков".../.

... В сущности, любой перевод с поэтического — филологическое иезуитство: из произведения изгоняется его поэтическая сущность — душа, воплощенная в язык... Язык — не строительный материал чувств и не средство выражения мыслей.

Живьем ободранный костяк /а что-то — неуловимо — порх — и нету.../ деревенеет, прорастает сквозь переводчика, вытятывая иные соки, чужой кроной... /Или — иллюзия, или — сверхреализм: вариация мистификации, потусторонний двойник — духовная самопроекция ... стилистическая самопародия.../.

И это еще любовно-творческий акт: поэт с поэтом, и создание третьего /Рильке-Цветаев — брат Лорки-Цветаева/.

Чаша — зодчему выкальвают глаза, а потом бережно переводят... .

/Абсолютная поэзия — фонетическая идиома. Поэтическое стихосложение — зрячий образно-стилистический строй/.

И это еще квалифицированный обмен мнениями: добросовестное решение иллюстрированных теорем... .

А в большинстве случаев — искусственное /от естественного даваться некуда.../ размножение: с тундро-кроличьего — на средне-кроличий /внутристоранные и внутри-красно-лагерные — переводы/.

Не только взаимолюбезном приодетого неандертальства — Бодлера, Верхарна, Аполлинера бы стихотворцам не знать... .

Просто читатели - просто читают. Профессионалы - заимствуют из обезъязыченного многоязычия беззолосые очертания. Невольно. Ибо их чтение - всегда ученичество.

Более того, даже подлинник обесцвечен, обезначен тем более, чем интересней поэт. /Кто из русских может сказать, что в совершенстве владел мандельштамовским - как читатель.../. Поэт создает именно язык, а понимающие на нем - диалекты или произведения. Школа - расхожий жаргон...

Так не мудрее ли относиться к свежим веяниям и противоречивым течениям в искусстве с житейско-историческом опытом: назовите хоть один совершенно бесплодный "изм", не давший ни одного таланта до группового насилия /хоть один беспочвенный катаклизм, не расчистивший вандализмом площадку для мгновения созидания/ и еще один "изм" - оставшийся единицей для измерения таланта как такового...

Даже наиболее результативный, элитно-массовый импрессионизм не утвердился как догма. Иначе бы нам не открылся Дали и другие дали.

Искусству претит любое диктаторство.

Эмпиризм собственной серости /а как же иначе назвать подсознательное желание каждого одержать духовно-методологический, медумотативный верх над всеми, как в крольчатнике - всех над каждым/ заволакивает и самый радужный, открытый чудесам того и этого света взгляд...

/"Пусть все розы цветут" - поливал за китайской оградой садовник, уже срывая свои биологические комплексы на воробьях... Бесправием бы - из рогатки, властью - из пушки./

Кто вправе бросить камень в бросающих камни?

Только Магdalina, поглощенная чувством и осмысливанием собственного греха... Только - само искусство.

А между тем в русской поэзии советского периода происходило и происходит мучительное самоутверждение совсем иного, качественно и, главное, количественно иного "изма", в каких бы философских концепциях и формальных изысканиях

он ни проявлялся... А именно: лирического индивидуализма, /От индустриально организованного и эмоционально изломанного, ре- бячески-гиперболического, надрывавшегося от имени масс - и не принятого массами Маяковского, ибо представлял собой - себя и класс поэтов, - до сегодняшней волны небесноглазого неохри- стианства, с литературной колоколенки увещевающего мирян рас- твориться в мире не без оппозиционной гордыни, социально-ска- дально.../

Ничего удивительного. Вы - своим многомиллионным едино- гласным "мы" - тщитесь заглушить любое "я", как зачеркнули роль личности в давшей истории.

Отделяющая внутренний мир буква алфавита не порядково, а тенденциозно последняя в алфавитном искусстве для большинст- ва.

Не здесь ли, на невидимом перекрестке хозяйственного отноше- ния к душе, беспардонного наведения в ней того или иного по- рядка - и ее протестующего упрямства, упругого скатия, - и происходят столкновения с государством всех ярко выраженных и способных к сопротивлению "Я"? - И "любовно-гостинного", и "туманно-заумного", и даже не колхозно-босого.../

Нападки на поэтический интерьер или инвентарь, а непри-ятие - именно ЕДИНОЛИЧНОСТИ, личности в единственном и непов- торимом числе.../

/Только вначале взрыв классового, массового самосозна-ния, "я", взорвавшее в "мы", опрокинувшее как раз "Мы - Николай второй" /сколько в самом языке глубоких психологи-ческих подтекстов/, "я" в искусстве даже подняло голову, - тот самый неожиданно созидательный катаклизм... Но это была только фонетика революции, ассоциативноеозвучие эпохи и творчества, так сказать, исторический футуризм.../ *

Сразу осознать прогрессирующую опасность его содержания могли только ретрограды, противники общественного прогресса /в истории, как и в поэзии, нет вчерашних достижений; монар-хия, будь она даже сердобольной бабушкой в золотом чепце - биологически недееспособна/, философы - скептики к любой ис-торической сиюминутности и поэты - оппозиционеры любому дав-лению как дети с характером.../

Рано или поздно юношеское фрондерство оформлялось в

осознанный или хотя бы осозаемый протест.

Строфы, не соблюдающие правила одностороннего движения в литературе, обгонявшие или пересекавшие общий поток, неминуемо обрывались в катастрофе...

А смертельно усталый /взглядом - сквозь годы/ человек, припадая на палку и опираясь разве что на густерящий воздух, бредет вдоль Невы как по течению Леты...

Его имя связано со "второй действительностью", думаю, что и связывает ее воедино именно его имя.

Созданный мир неуловимо материален и плотен, как все тот же вечереющий воздух... Скажите, что его не видно и, значит, нет или скажите, что он заполняет собой все - и разделяются круги на "своя" и "чужия"...

Мне лично ранние стихи этого поэта доставляют декоративно-аквариумное удовольствие, самые зрелые и совершенные - глубоко зазеркальное наслаждение. Щека охлаждается как бы невидимым слоем стекла, отделяющим кишащий безыскодным разнообразием внутренний мир... Горький, жутковатый - и вдруг разбивающийся на светящиеся осколки /о глухую, слившуюся с темнотой стену.../

Мы на разных кругах, и я не ловлю каждую строку Кривулина как животворящую струю в пустыне.

Богоискательство его мне кажется слишком филологическим, чтобы уверовать, и недостаточно атеистическим, чтобы исторически закономерным. /Государственные веры, с их вечно скомпрометированными идолами, осквернили все алтари. Атеизм разлетелся на острую мелкость цинизма и режущий душу западный практицизм, железный, как логика. И тайн уже никаких нет, в том же творчестве, и милостей от природы... Словом, пришел численно великий хам, обхамил религию, а что - вместо? Жить-то чем? Искусство реабилитирует Бога. Идеализм воскресает с ноющими в запястьях гвоздями.../

Кривулина можно упрекнуть и в ущербности позиции, и в узости поэтики /или наоборот.../. Но зачем, и, главное, почему?

К Мандельштаму ведь никто не предъявляет претензий, что

он не Ахматова и не Заболоцкий; только - всего-навсего - Мандельштам...»

Просто любовь к Мандельштаму уже входит в престижные обязанности каждого "культурного человека", а насчет Кривулина резолюций пока не поступало...»

Просто привкус горечи и умозрительные построения не исчерпывают собственного вкуса, а поэт, окруженный попугаями, /попугай в тумане - неразличимо ОВОЗДУХОТВОРЕННАЯ серость/ уже как бы претендует на несуществующую должность "начальник поэзии". Со всей своей кричаще-ограниченной свитой.

Не потому ли так испуганно окрысились кролики, и так прищурчив даже понимающий, доброжелательный к любому кролику взгляд?

Лучшим официальным нужно как-то объяснить себе и другим /в первую очередь - себе.../, почему у них на глазах задыхается в петле узкого круга несомненный талант, пусть не "главный", но уж во всяком случае равный...»

И если не он сам в этом повинен, то - кто же?..

Сложившегося уже к "Письму" Кушнера можно и должно рассматривать не на фоне крольчатника и не как материал для выдергивания нитей общих закономерностей, а несомненным "самоизом", одним из лирических индивидуализмов в современной поэзии. Его творчество, поэтапное в себе самом, опирается на более высокие категории искусства и философии, нежели те, с которыми поэта венчает ленинградское литературоведение.

Но, во-первых, входить во внутренний мир допустимо только по следам автора, а полунамеки дают основания лишь для полунамеков...»

Во-вторых, официальную лирику должна обслуживать официальная критика.

Это тем более относится к, если так можно выразиться, лирике второго порядка первой действительности, которая в иных масштабах могла бы стать объектом для исследовательского объектива.

В частности, духовные блуждания /и заблуждения/ Райды Вдовиной, плотская живописность /и выходы за неё/ Майи Бори-

совой, простецкость с характерцем /и душевно - широким/ Ноны Слепаковой на профессиональных весах ничуть не ниже внутренне аналогичных явлений неофициальной культуры, и показательны как типы мужества в женской лирике, ангажированной духом времени.

Но если в официальной литературе перевернуты понятия, если более интересное и квалифицированное в ней в лучшем случае уравнено в правах с безнадежной инвалидностью безграмотностью, - ее, официальной литературы, личное дело. Потерявшиеся в серости - ее соучастники. В заметках же, не предназначенных для публикации, образец болезненного раздразнения - Шварц, а не Мориц, рассудочного спазма - Стратановский, а не, допустим, Слуцкий.

Тенденции лучше просматриваются на островыраженных, наиболее популярных олицетворениях времени, каковыми являются лидеры поэтических направлений.

Не поэт выражает время - время чревовещает поэтом.

Поэты - живые мосты через Лету, последовательно сцепленные друг с другом над неподвижно зияющей амальгамой, и уста своего надбездно-хронологического мгновения.

Вот почему, даже не желая задерживаться возле громкоговорителей 60-х /хотя бы потому, что о них сказано гораздо больше, чем - ими, дважды, творчески и физически, пережившими свое время/, обойти их нельзя. Это - этап.

/Не получивший естественного завершения, каким в данном случае могла быть только виза на выезд или точка в висок: чтобы протестующая конкретность нравственно вошла в черно-золотой, а не серо-клубничный список.../

Поэт нашего времени, какой он?

Мятеж, смятость или смятение?

Чарующий византист, разочарованный символист, зазеркальный сюрреалист или скромный служитель музы итогов, лапидарный лирический аналитик?

Отстраненное "Я", вознесенное "Ты" или меньшевистское в

крольчатнике смыкание в "МЫ" больших эстетических правд?

Какая из поочередно удобряемых и одобряемых критикой почв плодородней в настоящее время: головокружительное пахнущая земля Земли, оголенное нагромождение или мистические - в обратном вращении - небеса за патриархально вспаханными пластами неба? /первые орудия космического труда, одноплодное освоение целинной фантастики.../.

А само время - какое? /Ведь не чужое, чтоб, отстранись, - созерцать, и видеть все стороны.../.

"Одна заря сменить другую" или как раз многоопытно не спешит, помятуя о поговорке с подвохом... .

Ирония и пафос, кажется, доконали друг друга.

Неужели и сейчас кого-нибудь кроме светло-серых может подкупить /и кого-нибудь кроме слишком серых - разозлить/ мнимый - глазуновский /волстину: божий дар с яичницей.../ - размах, бурная имитация творческого пищевого горения на школьно-воображаемых кострах инквизиции... .

Может.

Московская школа поэзии триумфально и скандально разбазаривает пастернаковский темперамент на свою детскую, вознесенную-глазуновскую проституцию.

Неужели и сейчас кого-нибудь кроме светло-серых может подкупить /и кого-нибудь кроме слишком серых - разозлить/ мимая - кушнеровская - задумчивость над копейками, когда на серо-коричневом горизонте садится солнце и, кто знает, на сколько... .

Может.

Ленинградская школа поэзии спокойно учится видеть с ахматовской ясностью не дальше своего носа... . /Раньше или позже - вся официальная школа/.

Неужели кого-нибудь может подкупить или разозлить мнимое богатство, беспорядочное смешение всех школ, разноцветная серость вместо трепещущего полноголосья?

Может.

Вся официальная поэзия - стихотворна, все ее проблемы - вопросы, все ее журнальные оценки - школьно-журнальны.

Скорее всего, сейчас в поэзии те самые, самые медленные, нерешительно-решающие "ночи полчаса", которые могут проколебаться еще полстолетия... .

Лирический индивидуализм не предполагает некоей оранжерейной барокамеры для надутого "Я". Не слеп, не глух и не слаб в гудящих от общих путей коленках.

Но это и не "свой стиль" равно серых в разно-цветно-фотографическом воспроизведении жизни, а стиль ее восприятия и созидания, двух неразделимо-синхронных – разве что через дефис – сквозьпорных процессов, отделенных от бесконечного во всех измерениях мира теплой, ранимой, единственной, и такой недолговечной материей...

Ахматова, Мандельштам, Пастернак, Цветаева – блестящий четырехгранник русской поэзии за и на долгое затемнение. А ведь сама по себе каждая грань – ярко выраженная односторонность...

Они противоположны друг другу, но – смыкаясь на высоте образуют в пространстве светящуюся фигуру поэтического времени, а во времени – поэтического пространства.

Емкость этой фигуры, кажется, неисчерпаема, хотя сохранившись от нее только одна или две грани /особенно женские – более плоские и твердые, более мужские/ – и они бы, возможно, заблудились в стилистически близких кругах, едва мерцая сквозь окружавшую мишурку и новые листопады своей режущей остротой...

/Бритовка и топор – Ахматова и Цветаева... Очевидно, искусство гармонально патологично, как Сафо, да и оно само – среднего рода. Вернее, гармонально демократично как детство, а девочки рассудительней и взрослее; в безумствах – рассудочней.../

Почему все-таки а) – не Анненский, а Ахматова.

б) – Бродский, а не, допустим, Бобылев.

/И в этом направлении Бродский, действительно, как темпераментно сетовал, спеша похоронить его, молодой ревнитель поэзии, что-то задержал и кого-то заслонил: и, действительно, своей не "внесоциальностью" – корневой близостью к общечеловеческой почве, первостью и обстоятельствами обнародования. Но все-таки чистым, нравственно чистым, искусством –

= широким диапазоном самовыражения/ .

Поэт с узким горлышком, будь он даже совершенной формы сосудом, не утолит страждущих.

Ими можно пренебречь. Более того, = сама мысль о чем= либо еще, кроме наслаждения игрой света и звука /как Рембо = в сонете о гласных, как медитации под каstальским колпаком Гессе/, принижает Искусство. Любой шаг навстречу читателю, народу /от мысленного до типографического обращения к нему = и в него/ в каком-то очень глубоком, подстыдном смысле = уже конъюнктурен: ибо нельзя не считаться с тем, к кому идешь... А читатель, даже в лучшем = свободного общения с ним = случае , даже если не массово наддрессирован, то своеородно пристрастен. Так же, как и поэт.

Грешно да и глупо было будущим классикам коситься на лавровую фату госпожи Чарской, на ее взаимный роман с читателем, называя его дешевым или бульварным: ведь они тоже сватались, но остались не поняты и не приняты...

Писатели почему-то не умеют мужественно встречать отказ, не оскорбляя публику = дурой.

Уж какая есть... И на парикмахерскую витринность всегда будет паломничество, а Вольтер сгниет в влом, и без болезни сифилитическом одиночестве. На то он и Вольтер, а не кролик, чтобы на него не кидались восторженные болонки.

Есть что-то глубоко безнравственное в извечной привычке Искусства предлагать себя на той же серой панели, что и искусное ремесло, а потом жаловаться на страдальческий жребий.

Причем, всегда под видом заботы о той же "дуре", а на илистом дне кристально-целительного колодца = о своей обочинной участии...

Заборься = копись и жди; и отражай, не морщась, ее вульгарно-косметическое лицо, если звал = заглянуть... /как-уже- часть себя.../ *

Вот почему, хотим мы того или не хотим, светящаяся фигура поэтического пространства 60-70-х /по алфавиту, а не по значимости/ = Ахмадулина = Бродский = Вознесенский = Кушнер, /И даже, возможно, какой-нибудь забулдыга-подмастерье народа-языкотворца, биографически-коэирный Высоцкий/ .

Хотя по моему гороскопу – добавить бы, если не заменить , так долгое летевшего осколком предыдущей мозаики Тарковского /что может быть грустней выхода на экран в зеркально племянчатом времени.../, лунного трубадура Окуджаву, автора единственной книжки Чухонцева, горького и трезвого /что в ядреной поэзии – уже чудо внутреннего света/ урбаниста, не животного почвенника. Словом, – высокий тембр в обреченои тональности, чистоту к себе обращенного звука.

Но если для меня коэффициент "своего" поэта – возможность общаться с ним лежа, а не за столом или в зале, часто или под настроение, но не скучая и не раздражаясь насилием, то у поэтической эпохи – свои критерии совместимости и свое их ощущение.

Цветаева – или превосходна или невыносима /как баба, как солдатня/. А для своей эпохи – когда к ней, в нее выходитила – вовсе, совсем, "со-всем..." невыносима. Зато для следующей, с поджатыми губками и воспитанно оттопыренным от серийного лже-фарфора мизинчиком, – совсем, "со-всем" – превосходна.

Вознесенский сегодня – авиационно-курортный роман; современно-купеческая – эх, и шиканелица свои выражные трудодни! – набережная, солененький привкус неба в объятьях моря /неоновая пошлятина, сервис баров, скрежет и визг безопасных аттракционов.../. Но завтра – это все-таки море, его – в крепеньких и бессильных барашках – отмель вдоль официальных и "диких" пляжей; море, отразившее свой авиационный кусок неба и округленный к зениту уже неприкрытым пузом массовый нео-нэп господ обывателей – распоясавшихся под солнцем...

И так далее; и так или иначе, но все – как в комнате смеха – наполненные узнаваемыми уродствами и кретинской радостью узнавания стереозеркала...

Чище, наверно, творить свою жизнь как Торо – из бессмертной и безлюдной природы, английской спиной в исподнем к механическим и человеческим джунглям.

Но такой творец /поэт/ и его приверженцы не вправе пенять на невнимание и роптать на непонимание тех, кому это – чужое.

Для себя – значит, для себя.

Для двоих – значит, для двоих.

И всегда отыщется "имеющий быть рожденным" хоть через сто гурман /а поэт – всегда в какой-то степени аскет и гурман поэзии/, что как филателист с лупой будет часами упиваться каллиграфическими нюансами своей любви, стилистическими находками высшей марки.

Подлинное искусство – всегда самовыражение.

Но сколько немых, не наделенных даром иллюзорно честного слова, самовыражений оно вмешает – столько единослышащих.

Диапазон зеркален диапазону, что искусству, при всей его очаровательной – детской – непоследовательности, пора бы давно понять... .

Именно – поименно так: Шишанин Ахмадулина – Бродский – Вознесенский – Кушнер... /И даже без Ахмадулиной, если – без женщин: здесь эпохе зеркален пол, его не затоптанная возвышенность/.

Бродский–Вознесенский–Кушнер и все 60-прочие по значимости, по широте свободы, но временной ряд – видимо, этот.

Хотят того или не хотят их взаимоисключающие лирические индивидуализмы...

Лирический индивидуализм в русской поэзии советского периода тяготеет к особому, не пред–надматериальному, "выше вашей" морали нравственному, восхищенному искусством и чудом жизни до самозабвения /и вплоть до самоубийства/ – лирическому экзистенциализму.

/"С глаголом неба на земле" – как сейчас бы еще более цылко и мудро заметил баловень любомудрой элиты, трепетная свеча, задутая собственным ветром в возрасте нынешних "приготовишек" поэтических школ... .

Он хуже писал, но глубже и выше слышал... //

На поэтическом циферблате – без двадцати ХХI век, круглый юбилей человечества...

Последний поэт и гробовщик столетия, наверно, сейчас пробует на звук свое первое произведение: "ма – ма"...

Нужнее всего, — это оснащенный по последнему слову отчужденной науки и поэтической техники, побочный сын незаконно-сохраненной гармонии, искусственный выкорьши Италии, Франции и России, бледнеющий перед будущим Блок...»

И так ли уж важно, кто будет возглавлять его шествие к неминуемому — если ничего не изменится — концу света искусства: бородатый, как анекдот, Христос, индус на голове или — черт с ним — балаганный матрос...

Это — всего лишь символ, ведущий к пропасти.

Бог поэзии не спасет...

От столпотворения звезд Вифлеема на среднепоэтическом небосклоне /тусклых или фольговых, символически ритуальных/ уже скучно и тягостно.

Крашеные яйца — воскресение духа детства, праздник сродни елке.

В массовом же творчестве сей ассортимент когда-то разбитой подрастающим кроликом /в облике разбушевавшейся мышки, освобожденной от кошки/ и с тех пор неофициально собираемой в подол культуры, все-таки ближе к ремесленной псевдонародности, чем к искусству — божественному сотворению мира без ГОСТов /контр-ГОСТов/ и чертежей...

Захлебнуться бы волной верnisажей — уж не расцвет ли?..

Вот ведь, кажется, самые безнадежные по-над захами... /Когда-то серебристо опустошенный, сочененный в сочной мозаике Левитин... Борисов-Мусатов-Васильев... Социальный Пирожмани-Овчинников... Кого только нет среди /и в.../ тех, кто есть.../..

Чем дилетанствовать в живописи и обвинять ее в мертвописи, поддаться волне как морской — в отпуск...

Что-то мешает /кроме специфически "неофициальной" привычки брюзжать.../..

... Одна молодая художница полвека ждала этой минуты, и вот, наконец, свершилось: ее натюрморт "Чашка с блюдцем"

приняли в лавку.

/Первый и, должно быть, последний раз - полвека ждала.../

Работу сразу заметили. Стена спин содрогалась... Табличка рецензировала: "чашка с блюдцем"...

Грешно смеяться над печальным курьезом, но без такого механически-подсознательного сервиса у нас, увы, выставок не бывает...
x)

80-е отдаленно /где-то там, впереди.../ попахивают 60-ми... Причем, не свежо как тогда, в рождество иллюзий с подарками /для детей.../, а довольно дурно: 60-ми, переработанными как опыт...

Наклевывается трезвый, сознательный, двусторонне-немой сковор удочки и рыбки, согласно которому последняя, сверкнув в воздухе скобками оперенья, сорвет червячка и, не поранив треугольно-чувственный ротик, снова канет на дно... И снова всплынет... И, словом, - канет... Сдохнет, подмигивая и подкармливаясь, в этой мутно-аквариумной, изнурительной игре в глубину...

Лирика снова повысила голос, но уже не общественный, а в мускульно-стилистический пафос...

Хочет, чтобы ее услышали, но может ли что сказать?

Кажется, что культура, даже без серых, из века в год мельчает, дробится вдребезги на капельки, брызги, молекулы звука и атомы света...

Непостижимый Пушкин...

Колдовской Блок...

Блестящий четырехгранник...

Теперь, наверно, очередь за октаэдром, а завтра вообще символический земной шар, на котором все пишут и никто не

x) История из коллекции Л.Л. Эрохи.

читает /максимальный гротеск победы лирического индивидуализма/.

К одному поэту или стихотворению предъявляется требование воплотить как минимум все, но этого всего так много /двадцать веков за спиной и вокруг – галактики/, что поэт охватывает все меньше и меньше. Лирика становится все более муравьиной, масштабность – все более мнимой, поверхностной. Впереди – самовлюбленная бесконтрольность творчества и ее мучительный кризис...

Критериев нет, но они есть...

Никто не вправе никому диктовать, что и как писать /ни частные лица, ни государства/, но каждый вправе не читать и не слушать /и частные лица, и государства/.

Государство не может публиковать произведения, подрывающие его устои, но искусство не может молчать о том, что устои государства подрывают искусство.

Что можно прошебуршать в адрес, ну, скажем, Нали Подольского /молодая в возрастном отношении культура еще масово безымянна/, кандидата математических наук, дипломанта двух парижских конкурсов на современную прозу? Его социальное положение – кочегар...

Потому что будь неофициальный писатель даже плохим писателем, он есть собственный, трудный, а не биографически дедовский хлеб, да еще по спекулятивной цене...

А профессионалы тем временем "изучают жизнь" по тем же котельным, чтобы "понять ее изнутри", а понятое /будь официальный писатель даже хорошим фактологом/ сообщить читателям с гарантированной оплатой за свой творческий труд...

Что поэт – было ясно сразу. И какой – тоже... Огромный /с виду/, яростный /как поверхностная волна/, ярко-красный. Он писал "крепкие стихи" и учился в шестом классе...

— Так и случилось. Писательская гостиная содрогается от реализма и разламывается: одни смеются, другие... Впрочем, уже, кажется, смеются все, а поэма думи все еще рыдается и рычится...
Ушла, чтобы не заполнить минуту после "Ну как?" сочувственным к общему детству вздохом...
Он учился в Литературном институте и брал штурмом "ленинградское болото"***

Случилось — не так...
Огромный /с виду.../ медведь в дубленке лапами за плечи в метро: « А ты знаешь, как я теперь пишу? »
— Гениально?... /Теперь все, кажется, пишут гениально, а уж он-то — всегда.../
« У меня есть свой мир! Кровь и сперма! Сейчас...»

Ну все... Попалась... Теперь, кажется, придется ночевать в метро — Метровая рукоять называлась "Тысяча образов"***

Спустя несколько "образов" это ощущение не исчезло, а перевернулось как переворачивается душа: сочность красок, мысль, скатая и простертая в иррациональных фигурах, шквал образов...
/И каким яблоком надо по голове, чтобы вот так, сразу.../
Его уже давно не учили, а лечили... Он охранял Эрмитаж и по-цветаевски утверждал, что его профессия — жизнь, что стихи надо читать сторожам, грузчикам, пьяницам, кому угодно, кроме глухих ленинградских поэтов...
Что и делает...
Один из самых масштабных и самобытных сегодня — Владимир Шалыт.

Здесь все тонко-тонко... И ничего не рвется — белых-то ниток нет. Сама жизнь в дождевой ткани поэзии...
Место жительства души — своя комната, излетанная по всем диагоналям на легких крыльшках.

Своя химическая лаборатория. Своя любовь. Свои собаки и кошки /и откуда столько нежных и зорких метафор, удивительно точной наивности, будто первыми глазами — на мир.../
217.

Свой голос, пожалуй, самый подлинный, чистый в ленинградской поэзии /по нему можно как по камертону = другие.../

Свой до альбомности, до неприличия /не в обывательском = в поэтическом смысле/, "Весь настежь распахнут поэт", даже слишком... Тем и дорог, хотя, конечно, не только тем личностен...

"И я плутаю как в лесу
С небрежной грацией Вакханки
И тряпку мокрую несу,
И полощу ее в лоханке..."

Зоя Эзрохи = поэт высокой духовности сквозь низменную житейскость и житейскости сквозь заоблачную духовность, поэт грустной гармонии. Ее лирика параллельна ракурсом обществу, спецификой иронии = Саше Черному, предметностью = Александру Кушнеру, лирическим чистописанием восходит к Ахматовой.

Это большая жизнь тенденциозно маленького человека, а еще точней = маленькое существование большого, гордого в унижениях.

Очень тонкий, подтканевый, ненавязчивый национальный мотив, очевидно, и раздражает кроликов, во всяком случае, настораживает... Потому что сам круг лирики не должен вызывать у них ширинки ни страха, ни озаблениий...

К неофициальной культуре приходят по-разному. И она приходит к поэту, и поэт = к ней. В какой-то момент осеняет единство творческой формы и содержания жизни и сразу дышится легко и свободно, как в детстве после удаления аденоидов...

И не нужно имитировать страсть как в постылой постели... Поэт = свободен...

1980 г.
декабрь.